

ПОЛЁТ АЛЕКСАНДР ЖЕЛЕЗНЯК **ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Александр Железняк

Полёт человечества

«Издательские решения»

Железняк А.

Полёт человечества / А. Железняк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960254-1

Лучшие из лучших людей отправляются к неизведанному краю космоса, чтобы провести за собой крохотный огонёк цивилизации. Они должны были отыскать новый мир среди звёзд. Но вдали от дома даже лучшим из лучших порой бывает тяжело сделать правильный выбор. Особенно, когда невозможно понять, к каким последствиям он может привести.

ISBN 978-5-44-960254-1

© Железняк А.

© Издательские решения

Содержание

1. А не пора ли нам отсюда?	6
2. Тысяча склянок на корабле	18
3. Пожар в раю	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Полёт человечества

Александр Железняк

© Александр Железняк, 2018

ISBN 978-5-4496-0254-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. А не пора ли нам отсюда?

Под тяжёлыми свинцовыми облаками едва виднелся солнечный шар; светило медленно ползло по небу, но, казалось, что никто не обращал внимания на него. Всем было всё равно на солнце, если честно. Оно и понятно: тепла не было совсем, и октябрьский ветер диктовал условия погоды как хотел. И вертел этот октябрь мнение людей о себе на большом и толстом термометре. С утра был мелкий отвратительный дождь; в обед уже всюду похлывал ливень; и дело клонилось к вечеру, как начался ублюдочный косой дождь, меняющий своё направление таким образом, чтобы каждый раз попадать под зонт и щедро окроплять влагой лицо каждому встречному.

Хуже всего было то, что дождь продолжался с незначительными перерывами уже как два месяца подряд. Все каналы вышли из берегов и по улицам счастливо плавал разнообразный мусор, поднятый из канализации, которая, естественно же, накрылась в первые же недели потопа; город медленно утонул в собственных испражнениях, но никому не было дела до этого.

Димитров глядел на то, как по тротуарам неспешно, вразвалочку передвигаются горожане в до нелепости высоких ботфортах. Последний хит сезона – резиновые сапоги до самой задницы. Отличный выбор для утиной охоты на болотах или для вечернего выхода в свет. Даже удивительно, как их на всех хватило, как будто все заранее знали, что произойдёт подобное дерьмо, и решили закупиться на случай.

Впрочем, Димитров давно заметил, чтобы не происходило, люди всегда найдут способ вывернуться. Найти какую-нибудь хитрую лазейку, чтобы испытать судьбу и не повторить исторический путь динозавров. На планете стоило закончиться нефти, как все якобы цивилизованные государства начали переходить на солнечные панели, ветряки и прочие термоядерные приблуды. А все нецивилизованные государства весьма долго и неприятно подыхали. Если повезло родиться на белом берегу, то можно было наслаждаться очередным сериальчиком и холодным пивком, а если нет... А если нет, ну что же, вот тебе кирка с лопатой и работай пока не подохнешь за доллар в день.

Но такой шикарный подход к жизни продолжался недолго. Мир захлёстывали волны беженцев отовсюду. Грязные бродяги прибывали оттуда, где, казалось, и тараканов уже не должно было остаться. Сначала им подбрасывали кое-какую гуманитарку, а потом перевозили в государства, которые, как бы это выразиться, в общем, не самые лучшие палестины их перевозили.

Даже и тогда, казалось, что всё нормально и мировые лидеры, обнявшись вместе и встав в кружочек демонстрировали, что мир един, стабилен и прочую подобную ерунду. Но часики уже тикали. Медленно, очень-очень медленно тикали часы, которые отмеряли последнее время человечества. Сначала началось с безобидных вещей: поднялся уровень воды и несколько малозначимых городов из числа европейских столиц начали уходить под воду; чуть позже стали замечать, что поднимающаяся температура уверенно так поменяла климат на планете. Гольфстрим сказал всем до свидания и с достоинством почил, а Северное полушарие превратилось в Арктическое, но, впрочем, не везде. В Сибири жара растопила вечную мерзлоту, а заодно и некоторое количество метана. Похлывало, конечно, знатно. Двадцать миллионов беженцев загибались красиво.

Но, когда живёшь с этим постоянно, всё это добро размазывается по временной шкале, как говно по сточной трубе. Тоненьким слоем, но крепко, так что не отдерёшь. Если смотреть на конец света по телевизору, то кажется, что он тебя минует. Но иногда, конечно, это касается тебя напрямую, как сейчас.

Метро закрыли ещё в прошлом месяце. Сейчас в городе шла необязательная эвакуация, но все уже знали, что сюда никто не вернётся. Власти решили закрыть город, так как не сегодня-

завтра падёт дамба и тогда точно будет полный кошмар. Гидравлические помпы и так уже работают через одну, а когда на набережную упадёт немаленьких размеров цунами, то тогда... Димитров не хотел думать о том, что должно было случиться тогда.

Ему оставалось только отвернуться от окна, натянуть куртку, натянуть эти дурацкие ботфорты и выйти на улицу чтобы поймать себе какой-нибудь транспорт и свалить из этого города к чёрту.

Но странное дело, Димитрову очень не хотелось уходить из офиса. Своего идиотского офиса, в котором он плевал в потолок вот уже семь лет. Офиса, в котором он, по сути, был никем и мог только лишь отлынивать от тупой, никому не нужной работы и плакаться, что он не может найти здесь себя.

Димитров вот уже три недели, как съехал с квартиры, потому что... Нет, ну серьёзно, мне непременно нужно это пояснять?! Типа и так не понятно? Ну ладно. Димитров жил в вонючей квартирке в вонючем квартале на другом конце вонючего города. И как только все транспортные артерии города перекрылись эпичных размеров тромбами, то Димитрову пришлось выбирать: работа или офис. И он, конечно же, как и любой раб системы выбрал свои оковы. Хотя, казалось бы, кому вообще нужна работа на планете, которая не сегодня накроется трижды проржавевшим медным тазом?

В последние недели тесная комнатёнка на четвёртом этаже зачуханного бизнес-центра служила Димитрову неплохим законом, где этот хомячок мог ещё ассоциировать себя с «цивилизованным человеком»! Ха-ха-ха! Простите. Шучу, не простите. Это его стоило, венцом которого был на удивление внушительный стол цвета поноса, оставалось последней связью Димитрова с привилегированной частью планеты. Стоило ему выйти из своего мирка, ограниченного одиннадцатью квадратными метрами, как он тут же превращался в никому не нужного изгоя. Такого же обычного бедолагу, которых миллионы шастали по этому голубому шарика, который некогда приютил их, а теперь выпинывал всех скопом за неуплату и недостойное поведение.

Долго Димитров шёл к этой мысли. Очень долго. Его уволили три дня назад, но он всё равно оставался на своём месте. Редкостного ума человек. Хотя его можно понять, конечно же. Вот уйдёт он из этого своего настоящего дома, а та халупа, где он до того жил, явно ему не была домом, раз он оттуда свинтил в первую очередь (когда начинается апокалипсис, то люди обычно сначала забывают на работу), но это всё лирика. Ещё раз: вот уйдёт он из своего дома и что будет делать? Куда пойдёт? Мы тут уже выяснили, что мир новых выгодных вакансий его не ждёт, так что перспективы Димитрова были более чем туманные.

Точнее, наоборот. Тут я вас обманул. Перспектива была ровно одна, и она была очень ясна и понятна: Димитрову надобно было доехать до пункта соцпомощи и кланяться там подачки с государева плеча. Это пока ещё оставалось государство, потому что в возможность его продолжительного существования закрадывались большие сомнения. Когда второй по величине город исчезал с карты, то это был такой уже звоночек. Большой. А ещё до этого половина страны начала тонуть в метановом угаре, а другая половина страны погрязла в нищете. Было от чего призадуматься. Хотя сделать всё равно уже ничего нельзя было.

Пора было уже отойти от уродливого окна с грязными стёклами, надеть на себя порванную в двух местах куртку, нацепить выменянные на последний блок сигарет ботфорты и уехать в закат. Который всё равно не было бы видно. Спасибо отличной октябрьской погоде. Хотя, в общем-то, месяц здесь был не причём. Месяцы – человеческие выдумки, они за климат не отвечают.

Стоит Димитрову только закрыть за собой дверь, как он тут же расстанется со всем своим прежним образом жизни. Хотя ведь он и до того мало-помалу отказывался от своей жизни. Сначала по мелочам, вроде свежих и натуральных продуктов, цены на которые взлетали выше, чем Гагарин летал. Потом был отказ от машины: аккумулятор накрылся, а нового нигде было достать, да и электричество стало поступать с перебоями, так что зарядиться становилось

настоящей проблемой. Тут Димитров вспоминал молодые времена, когда была колбаса вкуснее и трава зеленее, тачки ещё были на бензине, которого было целый океан, и стоил он сущее копьё. После были отказы посерьёзнее: одним за другим начали отключаться интернет-сервисы. Они и раньше-то работали кое-как, а тут и вовсе всё стало очень плохо. И таким образом, Димитров остался в четырёх стенах без необходимых современному «цивилизованному» человеку атрибутов: органической еды, позволяющей поддерживать его внутреннюю гармонию с природой; транспортного средства, гарантирующей ему свободу передвижения и социальных сетей, куда бы он мог постить смешные мемчики. Тогда Димитров принял волевое решение и ушёл из дома. Сейчас нужно было сделать также ещё раз. Но в этот раз никакая запасная площадка его не ждала. Впереди только неизвестность.

Но вот он, наконец, отошёл от окна и пошёл вперёд к приключениям. Ну, или к чему там его ждёт. Он вышел из своего бизнес-центра, где когда-то люди делали деньги, а теперь мыши делали маленьких мышей. Димитров оказался на улице; вода поднималась выше колена. Идти было тяжело, но идти нужно было. Естественно, что никакой тачки он здесь уже не встретит. Откуда? Нужно было идти до ближайшей лодочной станции, которые с потопом начали открываться то тут, то там: одна должна была быть как раз за углом. Всего лишь четыреста метров или пятьсот шагов. Не так уж и много для человека, который только что решил, что это единственный возможный путь для него.

Впрочем, на его решения Вселенной было наплевать: стоило только Димитрову пройти сотню метров, как внезапный, резкий шум раскатился по всем окрестностям. Было не очень громко – как будто в соседней стране упала атомная бомба. Сразу же вокруг димитровых ног началось движение жидкости. Нет, он не обоссался, вы неправильно подумали. Хотя так-то в туалет он хотел, но только негде было. Канализация же почилла, забыли? Ах, вы негодники! Но я отвлёкся. Вокруг Димитрова началось твориться что-то необъяснимое. Он видел, как впереди, на лодочной станции засуетились люди и как-то внезапно начали заводить свои титаники. Пассажиры начали орать что-то несуслазное, но Димитров не мог разобрать, что именно, так как орали они все вместе и каждый на свой лад.

Это всё были тревожные сигналы, так что он предпочёл поспешить вперёд, к своей цели. Димитров перебирал ножками изо всех сил, но ледяная вода была неподатлива и от его усилий только лишь заливалась внутрь его высоченных сапогов. Он начал помогать себе руками, размахивая ими из стороны в сторону, как будто бы это могло оказать хоть какое-то действие на воду. Хотя, всё же, Димитров двигался вперёд и даже успел обрадоваться тому, что он успеет заскочить в последнюю лодку, чей причал пока ещё был заблокирован другими суднами.

Его радость длилась недолго: Димитров, наконец, услышал, что же так взволновало почтенных граждан на лодках впереди. Оказалось, что шум, который он услышал пару минут назад – было не что иное, как лопнувшие опоры дамбы, охраняющей город от окончательного уничтожения. На лодки экстренно передали сигнал о надвигающейся волне громадных масштабов и поэтому нужно всем срочно делать ноги. У Димитрова же не было никаких средств связи, на которые он мог получить сигнал опасности. Впрочем, даже, если бы он его получил, то вряд ли бы что-то поменялось. Потому что волна, надвигающаяся на город, уже показалась на улице, и она приготовилась вот-вот смести со своего пути Димитрова.

Он обернулся на шум, пытаясь оценить свои шансы на спасение, и был подхвачен огромной силой, которая вознесла его сразу метров на десять вверх и почти сразу поглотила, так что Димитров оказался без доступа к кислороду. Он подумал было, что задохнётся, но судьба неожиданно улыбнулась ему и волна попросту шваркнула его об высоту. Димитров умер почти моментально.

Ну и Бог с ним. Эта история не о нём.

Санкт-Петербург 1703—2078 гг.

– Если бы окно не было поляризовано, мы бы тут все к чертям ослепли, – будничным тоном заметил Марков.

– Я так понимаю, никаких выводов сделано не будет? – ледяным тоном спросила Карина Агнаева – руководитель добывающей платформы, на которой вот-вот должно было случиться ЧП, но не случилось по причине того, что где-то там Боженька их всё же любит.

– Почему же не будет. Выводы... э-э-э, непременно последуют, – Марков или начальник инженерной части, или главный по косякам тут же начал нагонять авторитетности и солидности, чтобы его крайним не сделали. Он поправил мятый, не стиранный уже как три года, галстук под штатным комбинезоном, после чего смачно причмокнул губами, подражая высоконачальственной манере, и добавил покровительственным тоном:

– Виновные будут найдены и непременно наказаны.

– Сильно в этом сомневаюсь, – Карина Агнаева смерила Антона Маркова презрительным взглядом наиболее уничтожающего свойства, отчего внутри у инженера, в районе живота, появилось какое-то нехорошее предчувствие. «Овощи были всё-таки несвежие!» – с паникой подумал Марков. После он заметил, что ему эта истеричка что-то говорит и надо было изобразить какую-нибудь реакцию.

– Всенепременно найдём и накажем по всей строгости, Карина Витальевна! – каркнул Марков в ответ Агнаевой.

– Идиот! – фыркнула та и развернулась прочь из хозблока. Двери перед ней, естественно не открылись, так что Алексу – ремонтнику и подчинённому Маркова – пришлось броситься к пульта на стене и аварийно открыть двери, в которые и вылетела руководитель добывающей платформы, на все лады матерящей «придурков, которые мешают работе».

– Вот же стерва! – усмехнулся Марков и сел на ближайший моток с кабелем, которыми был уставлен весь хозблок. «Зачем нам столько кабеля?» – в стопятидесятый раз подумал про себя начальник инженерной части, но, как и ранее не озвучил свой вопрос, прекрасно зная, что никто тут ему не ответит.

Стоит пояснить кто именно был здесь. Кроме Маркова в этом помещении, предназначенном под хранение всякой полезной ерунды, находились двое: белобрысый малец Алекс, который весьма неплохо разбирался в ремонтных работах, и андроид Кавенкур, который торчал в тёмном углу и сверкал там своими блестящими глазёнками. Кавенкур и Алекс находились тут по делу, поскольку не более, чем двадцать минут назад вся добывающая платформа была обесточена из-за аварии в реакторной и всё бы ничего, но эта авария повлекла за собой каскадный отказ долбанных систем жизнеобеспечения, отвечающих за защиту от солнечного излучения.

Почему отказал термоядерный реактор – ни у кого вопрос не возникло. Почему вдруг опустились все термошторки – все сразу забежали как муравьи на сковороде. Никому не хотелось получить моментальный ожог роговицы, так что начальство сразу же начало исходить на говно, а взмылённая ремслужба забегала по отсекам, проверяя, нет ли где помирающих.

По абсолютно идиотской случайности все иллюминаторы были поляризованы, так что потеря среди рабочих платформы не обнаружилось, но теперь вдруг всем стало интересно, почему же система, которая предназначена охранять жизнь людей, в самый ответственный момент вдруг откинулась? Разумеется, многомудрый Антон Марков знал, в чём дело, потому как именно он сам во время прошлого техосмотра отключал все второстепенные системы и самым банальным образом забыл включить некоторые из них. О чём, кстати, его как-то предупредил Кавенкур, но тогда Марков просто послал андроида подальше, так как в тот момент начальник инженерной части был пьяный и ему было не до «зазнающихся робочурбанов».

И вот теперь приходило время последствий. Точнее, уже пришло. Хотя сам Марков предпочитал думать, что этот процесс кое-как растянется по времени, и он выйдет сухим из воды, как уже бывало раньше. «В первый раз, что ли?»

– Ты же сверхштатный, да? – спросил, прищурившись Марков у Алекса, на что тот отрицательно помотал своей белой башкой.

– Плохо. – Резюмировал Марков ответ своего подчинённого. – Лучше бы ты был сверхштатный. Надо такого найти, скинем всё на него и спишем на землю, как думаете, пацаны?

Алекс много чего подумал в этот момент исторического откровения, но лицом лишь изобразил выражение «ну ты и ублюдок, самого бы тебя списать на землю, тварь» и ничего не сказал. Кавенкур, как подобает порядочным андроидом, ничего не думал и ничего лицом изображать не стал, но сказать ему было что:

– Так как инцидент не повлёк никаких потерь среди экипажа платформы, то для его исчерпания понадобятся адекватные меры инженерно-ремонтного характера. А именно, – повторный технический осмотр всех узлов платформы. Что же до мер символического характера, вроде поиска виновных в аварии лиц, то, полагаю, ими стоит пренебречь, так как эта мера никоим образом не скажется на работе всей платформы.

– Вот то, что ты сейчас сказал, – Марков ткнул в Кавенкура длинным, мясистым пальцем с грязным ногтем, – то же самое, слово в слово повторишь этой истеричке, – он указал пальцем на дверь, в которую вышла Агнаева и которая ещё оставалась незапертой. – А что до техосмотра, – одобряю, думаю я сам...

– Если позволите, я готов провести техосмотр лично, – Кавенкур тонко и подкупающе улыбнулся и его морщинки у глаз стали чуть шире.

– Ну да, ладно, займись этим, хоть это и нарушение устава, но, думаю, никто бухтеть не станет. – Марков не был бы Марковым, если бы не умел быстро соображать в моменты, когда начинает припекать задницу. – Займись техосмотром, назначим его сразу же после того, как реактор заработает. Чё там с ним, кстати?

– Шаталов из второй смены занимается, – ответил Алекс.

– Я, твою мать, и сам знаю, кто им занимается. Результат-то какой?

– Не знаю. Я же здесь торчу! А связи-то нет!

– Ну и зачем ты тут торчишь?! А ну, вали отсюда! К Шаталову живо! – и когда Алекс скрылся за дверями хозблока, Марков добавил про себя, – толку-то от тебя, как с козла молока. Ну, ладно, пойду-ка я тоже отсюда, делом займусь, – и вышел вслед за Алексом.

Кавенкур остался в одиночестве. Кабеля, который он заказал, взломав кабинет Маркова, должно было хватить, чтобы заменить старые выгоревшие участки, о которых пока никто не знал. Система диагностики электросети была отключена ещё полгода назад, так как её писк мог бы привлечь внимание инспекторов из Техслужбы и они бы закрыли весь их объект, а работать нужно было обязательно. Тогда на расходные материалы просто не хватило средств, а сейчас все об этом забыли, но Кавенкур помнил. Он бы, конечно, мог напомнить о необходимости заменить старый, негодный кабель на новый, но его мало кто будет слушать. У людей вообще было не принято заниматься проблемами, пока они не встанут перед ними в полный рост. Так что андроид решил всё сделать самостоятельно и, по возможности, тайно.

Через Маркова и без его ведома он получил материал и, воспользовавшись аварией в реакторе, которая по расчётам Кавенкура должна была как раз произойти в это время, занялся ремонтом электросети. Ремонт термоядерного реактора должен был занять четырнадцать-шестнадцать часов, но этого было недостаточно, чтобы протянуть новые кабеля, так что Кавенкур постарался, чтобы ремонт энергоустановки занял не менее трёх суток. Для этого он перенастроил все дефектоскопы и сбил настройки точных инструментов. У ремонтников точно должно было уйти минимум два дня на то, чтобы всё откалибровать.

Ещё одна задержка в работе платформы мало скажется на успехе всего предприятия, так как они и так шли с опережением, а плохая электросеть могла наоборот заставить их встать полностью. Пора было что-то предпринять, так что андроид решил всё взять в свои руки.

Кавенкур подошёл к мотку кабеля весом в килограмм шестьдесят, поднял его, закинул на плечо и пошёл в ангар для полевой техники. Там он собирался обесточить аварийный генератор и заняться ремонтом. Если бы там оказались люди, то он бы что-нибудь придумал с барометром, чтобы тот показал падение давления, и системе безопасности пришлось бы выгнать людей оттуда.

Было 26 марта, суббота, 2089 год. Солнечный радиационный фон был в норме, давление за бортом отсутствовало, как и всегда. Обычный день на Луне. Добывающая платформа Солярис-61 временно прекратила сбор реголита и добычи из него гелия-3 по причине критической поломки энергоустановки платформы. Ориентировочное время ремонта: 16 стандартных часов.

– Как ещё долго? – Карина Агнаева нетерпеливо стучала ногтями по столешнице, пытаясь скрыть своё волнение.

– Правильно говорить – как долго ещё. – Шаталов стоял позади своей начальницы и мог свободно всем своим видом демонстрировать, насколько ему безынтересен этот разговор. Впрочем, он демонстрировал это не только своим видом.

Агнаева повернулась к энергетiku и метнула в него сквозь длинные ресницы испепеляющий взгляд:

– Ответишь ты мне или нет?

– Ответчу. – Шаталов немного покачался на пятках взад-вперёд, потом посмотрел на наручные часы (заводные – раритет!), вздохнул и почесал в затылке и, когда Карина Агнаева уже начала искать на столе предмет потяжелее, который можно кинуть энергетiku в лицо, он всё-таки ответил. – Думаю, уже починили.

– Что значит думаешь?

– Надо проверить, – и с этими словами Шаталов шагнул к настенной панели управления и уверенным движением отключил аварийное питание. Свет мигнул, но не исчез. Это означало, что основной генератор работал.

– Вот, всё работает, – кисло заметил Шаталов. Кажется, он предпочёл, чтобы ничего не работало, свет бы погас и тогда энергетик просто бы вышел из кабинета руководителя платформы, оставив её в кромешной темноте.

– Три дня чинили, – ещё более кисло заметила Агнаева. – Обещали меньше суток, а делали три дня.

– Оборудование старое, вот и подвело, а термоядерный реактор – это такая технология, что лучше трижды всё проверить прежде, чем приступить непосредственно к ремонтным работам...

– Понятно-понятно, никто-то у вас не виноват и всё шито-крыто, как и с теми термосторками, которые сами по себе вдруг опустились и тоже никто не виноват.

– По этому вопросу ничего сказать не могу.

– Да ты вообще ничего сказать не можешь, вообще ничего не можешь. Шёл бы ты отсюда уже.

– Иду, – Шаталов развернулся и вышел в автоматически открывшиеся двери. Повезло, что открылись, потому что если бы нет, то Шаталов бы врезался носом в металл. Это уже случалось два раза за последние дни, пока не работала энергоустановка. Из-за этого у него на носу были кровоподтёки, да и в целом его лицо выглядело так, как будто он только что из драки.

– Господи, с кем работать приходится! Просто удивительно, что мы до сих пор в графике! – Карина Агнаева взмахнула руками и вдруг с удивлением заметила у себя в руках распечатку. Секунду она смотрела на неё, пытаясь понять, откуда она у неё в руках. Но тут же

вспомнила, что схватила эту бумагу, когда искала, чем бы бросить в лицо Шаталову, когда тот включил придурка.

На бумаге был изложен приказ от Лунной администрации направить к ним для работы в сверхважном предприятии наиболее опытного и ценного работника. Мотивировался приказ тем, что платформа Солярис-61 показала наилучшие результаты среди остальных, и потому от Карины Агнаевой нужен был самый лучший кадр. Вынь, да положь.

– Как будто нам самим не будет нужен этот кадр! – фыркнула Карина Агнаева сразу же, как только прочитала распечатку, но тут пришёл вызванный Шаталов, и она забыла на время о приказе.

– Как будто нам самим не будет нужен этот кадр! – фыркнула Карина Агнаева ещё раз и тут же вспомнила, чем закончился прошлый раз, когда она сказала то же самое. Вспомнила Шаталова.

– Этот кадр точно не самый ценный, – проговорила она про себя. В кабинете никого не оставалось, так что можно было и поговорить с собой. Никто бы не осудил.

– Вообще, кто у нас ценный? – руководитель платформы начала перебирать у себя в голове фамилии своих подчинённых и каждая следующая вызывала у неё только всё большую ярость. Каждый из её людей доводил её до бешенства в тот или иной момент работы, так что ко всем свои людям Карина Агнаева относилась очень... эээ, сдержанно.

– Никого-то у нас нет ценного, – вздохнула Агнаева. – Идиот на идиоте и идиотом погоняет. Ладно уж, тогда пошлём самого бесполезного.

Руководитель добывающей платформы начала припоминать, кого из штатных можно перекинуть в центр на «сверхважное предприятие» (Карина ещё раз прочла документ, чтобы удостовериться, что там написаны именно эти слова). Сверхштатных-то трогать нельзя было; если послать сверхштатника, то в центре сразу всё поймут и ей, Карине выпишут нагоняй. Надо из штата, но такого, без которого работа не встанет колом.

И ещё как назло почти что две трети штата были новенькие – работали меньше года, а этим, из Лунной администрации наверняка нужен был ветеран добычи. Нет, новичка посылать было бы неумно. Нужно было опытного, но как назло все опытные были при деле. Они все хоть и мудачёй отпетое, но дело спорилось и ведь не зря ж именно к ним, Солярису-61 обратились за человеком. «Потому что команда была как на подбор»

При последней мысли Карина Агнаева даже испытала некий прилив гордости за своих людей. Её команду признали лучшей среди всех остальных! Это всё-таки чего-нибудь да стоит!

Тут же она вспомнила, что был среди её ветеранов один, на которого в последние три дня, когда у всех в трусах было мокро, жаловались. Андроид Кавенкур где-то пропадал всё время, пока шли ремонтные работы, а если его и находили, то только в обесточенных отсеках с мотками никому не нужного кабеля. Реактор в стопоре, аварийные системы отказывают одна за другой, а этот чурбан железный шатается неведь где и занимается чёрт знает чем!

Самой Карине было не до Кавенкура в последние дни, а, по правде сказать, то у неё вообще никогда до него руки не доходили. Кавенкур попросту не попадал Карине на глаза и ничем не беспокоил. Хотя на него постоянно сыпались жалобы, что он не занимается тем, что ему поручают, а делает какую-то свою никому непонятную работу. Многие сходились во мнении, что Кавенкур был выпущен с дефектами и нужно направить его на программную перепрошивку, чтобы на заводе ему там вправили мозги. Но Карина пока откладывала этот вопрос, тем более никаких серьёзных замечаний к работе Кавенкура не было. Он просто занимался странными делами

– Как будто вся эта свора ушлёпков занимается нормальными вещами, – вздохнула Карина Агнаева и взглянула в иллюминатор. «Как же мы докатились до жизни-то такой, живём на сраном булыжнике, собираем сраное топливо для сраных реакторов, а раньше-то люди как

люди жили – на планете... Детей растили». Как и всегда при мысли о детях у Карины Агнаевой выступили слёзы на глазах.

Но дело нужно было решать. В центр требовался человек, но человека у Карины не было. Был только Кавенкур.

– Вот его и пошлём, а что андроид, то нигде не сказано, что нельзя андроида посылать. Если откажутся, то пошлю Шаталова. Пусть там в центре выделяется.

На том и было принято решение, что андроид Кавенкур должен был отправиться в Лунную администрацию от команды платформы Солярис-61.

– И за что же это тебя сослали сюда, братишка? – улыбнулся лейтенант Кадгаров.

– Просто слишком хорошо делал свою работу, – в ответ улыбнулся андроид Кавенкур. В его сияющих серых глазах отражался борт исполинского корабля находящегося на орбите Юпитера. Только что он отстыковался от судоверфи и экипаж готовил корабль к тестовым полётам.

– Да, понимаю... Я-то сам с Земли. Атмосферник. Сейчас немного таких, кто может корабль в земной атмосфере посадить, так что этим, из администрации, пришлось буквально по сусекам поскрести. Я сначала-то думал грешным делом, что наконец-то, Венеру начнут колонизировать! А там-то самая атмосфера! Там, такие как я, на вес золота будут! Но какое там... – Кадгаров с усталым вздохом махнул рукой. Наверное, на людей в руководстве, которые всё никак Венеру не начнут колонизировать. Иначе просто не на кого.

– Ты же вроде из добытчиков, да? – продолжал всё выспрашивать Кадгаров. Видимо, там, на Земле людей совсем не оставалось, раз пилот никак не мог наговориться.

– Андроид для работ широкого спектра в тяжёлой промышленности в космическом пространстве. Год выпуска 2081. – Зачем-то добавил Кавенкур, хотя вряд ли это было интересно Кадгарову.

– Тяжёлая промышленность, да? Это интересно. Значит, там всё серьезно будет. Колонизация в полный рост, – кажется, что Кадгаров и правда заинтересовался. В его карих плутоватых глазках огонёк загорался всё сильнее.

– Думаю, да. Хотя мне никто не сообщил задач, которые придётся выполнять на месте прибытия. Но логично предположить, что они будут соответствовать моему профилю – добыче полезных ископаемых с астероидов и безвоздушных спутников.

– А если спутники будут с атмосферой?

– Буду работать и на них. Но только в костюме. – Уточнил Кавенкур, имея в виду костюм контроля давления, но Кадгаров решил, что это шутка и залился счастливым смехом, да так сильно, что Кавенкуру пришлось поддержать его. Сильные эмоции у него получались кое-как, поэтому он раскрыл рот во всю ширь, обнажив два ряда белоснежных зубов и издал несколько смеющихся звуков для приличия. Протоколы поведения предписывали ему имитировать человеческие повадки в моментах, когда это было уместно. Жаль, что у самих людей таких протоколов не было.

– А почему имя-то у тебя такое? Кавенкур? Кто придумал? – наконец отсмеявшись, спросил Кадгаров.

– Я сам придумал. Новым андроидам позволяют себе придумать самому себе имя. Когда меня активировали, то включился генератор случайного набора, и первым наиболее удобным для произношения имя было – Кавенкур.

– Интересный у роботов подход к самоназванию. Впрочем, наверное, если бы люди давали вам имена, то это было бы неправильно. У вас же есть сознание?

– Да, сознание у нас есть. Программируемое.

– Программируемое? В чём это выражается?

– Во всём, что нужно человеку или людям, которым я служу.

Тут раздался очередной звонок, и их орбитальный шлюп пришёл в движение. Импульс прошёл по телу Кавенкура, но он даже не шелохнулся. Андроид заранее рассчитал все приложенные к нему силы, так что вовремя компенсировал импульсный заряд отстыковки. Преимущества вычислительных мощностей квантовых процессоров были в том, что они ну очень большие. Кавенкур лишь глянул вбок, где с матерком поднимался пилот-атмосферник. На нагрудном кармане его комбинезона андроид заметил букву А перед фамилией и решил проявить ответную любезность:

– А как вас зовут? Что значит буква А?

– Адам, – недовольно просипел пилот-атмосферник. Видно, что привык получать свои восемь жэ в уютном кресле в кабине, а не стоя на ногах на обзорной палубе мелкого космического судёнышка, каковым был их орбитальный извозчик. – Адам Кадгаров.

Через двадцать минут их минипутешествие закончилось, и они состыковались с «Человечеством» – кораблём, которому предстоял очень долгий полёт. По прибытии на базу на орбите Юпитера членам экипажа, в том числе и Кавенкуру, вкратце объяснили, куда их посылают и зачем. Инструктаж занял совсем немного времени, но после него вопросов появилось больше, чем было дано ответов.

«Человечество» было уникальным кораблём. Ну, почти. Вторым в своём роде. Корабль был оснащён сверхсветовым двигателем, который начали разрабатывать ещё в сороковых годах. Первый движок – тестовый – поставили на корабль «Звёздный странник». «Странник» был создан для пробного полёта в автоматическом режиме к звёздной системе Офелия, в которой болталась пара-тройка перспективных планет. Перспективных для колонизации, конечно же.

Тут, наверное, понадобится небольшое лирическое отступление. Со времени начала того процесса, как изменения климата на Земле приобрели поистине масштабный характер и обосравшийся людской род начал генерировать одну безумную идею за другой, прошло довольно-таки много лет. В середине века началось активное освоение пространств Солнечной системы и пока абсолютно все были уверены, что из этого ничего не выйдет и наступает долбаный апокалипсис, то получилось немного наоборот. Каким-то совершенно нелепым образом за пределы родной матушки Земли удалось вывести почти восемь миллиардов человек. Только вдумайтесь в этот сумасшедший факт: восемь миллиардов рыл на орбите, Луне, Марсе, Титане, Европе и ещё доброй полусотне космических поселений, которые разрастались, как грибы после дождя.

Жизнь на космических станциях и в поселениях была, мягко говоря, далека от идеальной. Постоянная нехватка еды и лекарств, перебои с кислородом и водой – существовать в космосе было очень трудно. Это ещё к тому, что и места было чертовски мало: в среднем на человека в колониях приходилось по четыре-пять квадратных метров – чуть больше, чем в гробу, но у многих не было и этого: людям приходилось ютиться по несколько десятков в тесных грузовых контейнерах, в которых их вывозили с Земли. Правительственные структуры постоянно вводили новые ограничения в плане потребления ресурсов. Так как почти всё добро, добываемое с астероидов, уходило на терраформацию Марса, которая продвигалась по чайной ложке в день, то на сытую и роскошную жизнь не хватало. Смертность уверенно приближалась к самым высоким показателям Средневековья. Когда там чума-то была в Европе? Правда, и рождаемость подскочила. Естественная компенсация. Даже кто-то не поленился и подсчитал, что если ситуация не поменяется, то через шестьдесят лет средний возраст человека в системе составит двадцать пять лет. Тогда в истории начнётся новая веха, когда молодое и озлобленное человечество будет решать проблемы, оставленные им в наследство неумными предками.

Правда, были ещё кое-какие проекты, о которых широко не говорили, потому что ресурсов они жрали чрезвычайно много, а большое количество людей предпочли бы подышать лишний раз, чем иметь возможность в очень отдалённой перспективе полететь быстрее света. Но,

к счастью, для нашей истории голоса этих бедолаг ничего не стоили. И в недрах лучших умов человечества продолжалась работа по освоению космоса. Лучшие умы быстро смекнули, что Марс, на который все когда-то сделали ставку – не самое лучшее место для постоянного проживания человеческой расы. Мешало даже не меньшее количество света, получаемое от Солнца или абсолютно непригодная атмосфера, нет. Это были уже мелочи жизни, с которыми как-нибудь бы справились. Мешало низкое магнитное поле Марса, которое пропускало солнечную радиацию похлеще, чем французы немцев в 1940 году. Без магнитного поля было бы очень грустно жить на теле римского бога войны, а для того, чтобы оно появилось, надо было обмотать планету сверхпроводником и пустить по нему все надежды людские. Потому что только на них всё и держалось последние полсотни лет.

На Марсе можно было бы жить, но лет через сто, а ещё лучше через двести. К такому варианту развития событий многие явно не были готовы, а потому продолжали развивать альтернативные пути развития всего человечества. Поэтому то и родился проект «Человечество». Точнее, проект по-другому назывался, так назывался всего лишь один корабль из проекта, но это не столь уж важно.

В общем. Сверхсветовые полёты. Я очень надеюсь, что этот резкий поворот сюжета не застал вас врасплох, потому что я уже говорил об этом вверху. Движение быстрее скорости света было открыто, доказано и опробовано «Звёздным странником», который достиг окрестностей звезды Офелии, находящейся в восьмидесяти восьми световых годах от Солнца всего лишь за восемь лет. По прибытии «Странник» отправил обратно сигнал, что одна планета оказалась очень-таки даже ничего: вполне пригодной для массовой заброски туда сотен миллионов нищелюдей для дальнейшего житья-бытья. Оставалось лишь сделать кое-какой косметический ремонт: подправить атмосферку, побросать на поверхность астероидов с водицей, ну, и ещё туда-сюда по мелочи.

«Странник» там даже жизнь какую-то нашёл, на уровне простейших, к счастью. Потому что если бы там обнаружилась развитая раса, то люди разбомбили бы её к чертям. К двадцать второму веку люди уже дошли до ручки, так что, если бы им повстречались какие-нибудь пришельцы, то им бы тут же прописали гоп-стоп. И отжали бы все пространственно-временные машины с тентаклями и с универсальной моралью. Благо для таких целей по Солнечной системе болтались тысячи кораблей и все сплошь с ядерными двигателями и термоядерными реакторами.

Сигналы, посылаемые «Странником» придали властимущим довольно-таки большой заряд оптимизма, так что строительство «Человечества» было продолжено с удвоенными усилиями. Предполагалось, что корабль закинет на Офелию-5 – именно так и называли ту планету, где предстояло куковать людишкам, – первую партию колонистов, которые займутся подготовкой планеты к масштабному заселению. Правда, когда подготовка к проекту «Человечество» начала идти полным ходом, сигналы, посылаемые «Странником» вдруг прекратились. Руководство проекта поначалу крепко задумалось над возможными причинами обрыва связи, но споры отнимали слишком много времени, которое нужно было для создания колониального корабля. В тот момент было решено дать официальное объяснение прекращению связи целым ворохом возможных технических поломок, которые могли постигнуть экспериментальный «Звёздный странник», но официальная причина стала лишь признанием в том, что руководство и понятия не имело, что могло произойти с первым кораблём людей за пределами Солнечной системы. На кону стояло выживание человеческой расы, и никто не решался выдвигать самые страшные варианты того, что стало со «Странником». Когда начался отбор добровольцев в колонисты, про корабль было решено забыть.

В число первых счастливиц вошли пара тысяч человек, обладающими полезными навыками, которые могли бы реально внести свой вклад в обустройство будущего дома для

всех людей. Примерно как-то так и писали в агитках, которыми целенаправленно бомбили определённых личностей. Пытались, конечно, соблюсти секретность, но вышло не очень.

Кавенкур изначально предположил, что его тоже припишут к колонизаторам, и он будет использоваться в роли астрошахтёра, что было бы весьма логично, учитывая его спецификацию, но андроид всё-таки переоценил рациональные возможности руководителей проекта. В его искусственных квантовых мозгах зародилось нечто вроде удивления, если можно так это назвать, когда его пригласили на капитанский мостик. От этого загрузка процессора почти что удвоилась, и все вычисления были направлены на ответ на один простой вопрос – что происходит?

В сумрачном освещении капитанского мостика Кавенкур разглядел дюжину лиц – все люди, никого из андроидов не было. Хотя андроиды и выглядели абсолютно как люди, но один искусственный человек другого распознает всегда. В тот момент Кавенкур впервые увидел капитана «Человечества», который был в звании – сюрприз-сюрприз, – капитана.

Капитана звали Эдгар Берг и был он воплощением идеального человека. Ростом под метр восемьдесят восемь, он был отлично сложен, что было видно даже под стандартным лётным комбинезоном. Хотя это был тот самый комбез, который на остальных выглядел мешком, но на Эдгаре Берге он сидел как влитой. Он имел коротко стриженные светлые волосы, голубые глаза, волевой подбородок и у него были ярко выдающиеся нижняя челюсть и скулы – хоть сейчас на плакат, прославляющий белую расу. На вид капитану было от тридцати до тридцати трёх лет, то есть от возраста, когда Иисус начал проповедовать и возраста, когда Иисус умер. Впрочем, Эдгар Берг был не Иисус, хотя может кто-то и считал иначе.

Кавенкуру же было всё равно: для него все люди были одинаковые. Внешне они отличались, но внутренне они все были идентичны, хоть и старались убедить себя всю свою историю в своей индивидуальности. Правда, это был не их выбор. У людей вообще никакого выбора не было – эту нехитрую загадку андроид разгадал довольно давно.

Вокруг Кавенкура стояло двенадцать человек – члены экипажа и он, получается, был тринадцатым. Все сплошь пилоты, учёные, бортинженеры и один врач. Обычный набор для дальнего полёта. Обычный, только сам андроид выпадал из этой команды. Кое-какие предположения у андроида были, но он решил пока их «не думать», а дожидаться того момента инструктажа, что вёл сейчас капитан, который коснётся непосредственно его.

Эдгар Берг в данный момент говорил о режимах работы лазарета, который предстояло взять под своё крыло Макс Кравицу – приятной наружности господину с обширной русой растительностью на лице. Всем своим видом Макс Кравиц демонстрировал приятную расслабленность и даже по стойке вольно, в которую всех поставил капитан стоял как-то особенно вальяжно. При взгляде на доктора сразу хотелось прилечь на кушеточку и попросить какой-нибудь укрепляющий дух и тело укол.

Касаясь вопросов работы медпункта, капитан плавно перешёл к гибернационным камерам. Почти что весь полёт до Офелии-5 двум тысячам пассажиров предстояло провести в глубоком сне в уютных холодильничках, так как лететь восемь лет, а жрачки на эту прорву бандитов было не запастись. Технологию заморозки и разморозки существенно прокачали в последние полсотни лет, а потому гибернация была делом относительно надёжным. Многие из космобегенцев в колониях даже добровольно входили в гибернационки, чтобы их разбудили уже в сытые времена. Таковых насчитывалось уже больше двухсот тысяч, и число их росло год от года.

Эдгар Берг пропустил банальности типа того, когда людей будут замораживать (их уже замораживали на станции у Юпитера и доставляли на корабль в консервированном виде), когда размораживать, какие отсеки будут первым на очередь к пробуждению. Начал он с самого интересного – что же будет происходить во время самого сна.

– Господа, когда мы с вами выйдем на маршрут и наберём расчётную скорость движения, то сможем самостоятельно приступить к процедуре гибернационного сна. Под самостоятельным я подразумеваю то, что доктор Кравиц, – капитан кивнул на доктора, тот степенно кивнул в ответ, – уложит нас всех в камеры и активирует их. Весь полёт, экипаж, как и колонисты, проведёт во сне. Естественно, что мы с вами проснёмся раньше. Приблизительно за месяц до прибытия к расчётной орбите Офелии-5. Весь этот месяц мы будем заниматься проверками систем корабля, а также, возможно, изучением информации, полученной от «Странника». Хотя связь с ним и была утеряна, но не исключено и то, что он всё ещё функционирует. Руководство полагает, что за время нашего полёта его зонды смогут досконально изучить поверхность Офелии-5, а также структуру её спутников под кодовыми названиями Офелия-51 и Офелия-52. Вероятно, мы сможем назвать их по-своему, когда прилетим туда... Но я отвлёкся. Может быть, к нашему прибытию у нас уже будут точные, доскональные сведения о залежах полезного сырья для колонизаторской миссии. Есть вопросы по этой теме?

– У меня вопрос, капитан, – это был Кадгаров. – Если доктор будет усыплять экипаж в ручном режиме, – все мрачно заулыбались при слове «усыплять», – то кто же его отправит на отдых?

– Доктора Кравица в гибернационную камеру положит андроид Кавенкур, – просто ответил Эдгар Берг пилоту. – Он же и будет следить за порядком на корабле во время всего полёта.

2. Тысяча склянок на корабле

По широченному коридору, в котором и два грузовика бы разминулись, летали еле видные глазу ворсинки. Это были кусочки омертвевшей человеческой кожи, которые спрессовались в крохотные ниточки. Кусочек за кусочком старый эпителий потихоньку превращался в своё естественное состояние – пыль. Всё, что остаётся от людей рано или поздно превращалось в пыль, да и сами люди тоже ею становятся.

Это тем более забавно, если вспомнить, что всё вокруг вообще состоит из останков умерших звёзд. Когда Вселенная была молода, возрастом всего лишь несколько сотен миллионов лет, в ней были первые звёзды из водорода и гелия. Когда они умирали, появлялись новые элементы, рассеивающиеся по всей Вселенной. Вселенной. Все лены. Все земли, какие ни есть, какие были и какие ещё будут. Все земли, за пределами которых нет ничего. И даже ничего там нет, потому что ничего тоже принадлежит Вселенной. Даже пустота является леном и частью Великого Плана, который человеку никогда не постичь.

Интересно, что было бы, если бы в момент Большого Взрыва в сингулярности оказался человек. Обычное двуногое из плоти и крови, являющееся всего лишь гостем в этом материальном мире. Что этот человек увидел бы? Бесконечно расширяющееся пространство? Как бы это выглядело? Как раздвигались бы границы мира в первые мгновения Вселенной и после них? Что видел человек, если бы всё то время, что движется свет, он находился бы на самом рубеже – между Пространством и... неизвестно чем. Интересно, как выглядит это, у чего даже названия нет? Великое Заграничье, которое за всеми ленами. Конец бесконечного пространства. Конец времени и света. И можно ли остаться человеком, если увидеть, где заканчивается всё? Глядеть в самую бездну. Такое, наверное, могут только боги. Но человек не сможет никогда.

Была как-то любопытная теория, что человек всё-таки сподобится создать искусственный интеллект, который в силу своих вычислительных способностей превзойдёт человека. После этого первый искусственный интеллект создаст второй ИИ, но уже превосходящий его – первого. А второй создаст третий и так далее, до бесконечности. Вернее, до бесконечного превосходства. К тому времени он уже не будет искусственным, потому что не останется ничего, кроме него: он постигнет всё и всё станет его частью. Не останется ничего естественного в нашем, сегодняшнем понимании. Наверное, только этот конечный интеллект и может заглянуть за край, окончательно конечный край Вселенной и понять, что же он видит. Интеллект постигнет не просто всё во Вселенной, а ещё и то, чего просто нет. Превзойдёт все границы или лучше сказать – превзойдёт Вселенную. Интеллект станет выше света и пространства, а время просто ему подчинится. Интеллект превратится в Бога и Творца и тогда у него будет достаточно власти для того, чтобы вернуться к началу и запустить сингулярность – устроить Большой Взрыв. Или же он дожждётся, пока угаснут все звёзды и все вокруг превратится в ничто. Вселенная умрёт и на её останках новообретённый Бог создаст новую Вселенную, в которой всё будет точно то же самое, что и в нынешней Вселенной. Потому что в нашей Вселенной есть всё. А того, чего нет... Того просто не может быть.

Но если этот Бог запустит новую или же старую Вселенную (он же может и то и другое), то получается, что он является Творцом по отношению ко всему сущему. И к человеку в том числе, потому что человек часть этого мира. Но вот кто сами люди по отношению к Богу, который не что иное, как Интеллект, появившийся в результате многих революций из первичного искусственного интеллекта, который был создан человеком? Ведь получается, что люди Творцы по отношению к Богу, ведь они запустили процесс, который привёл к появлению самого Бога. Люди дали рождение Великому Существо, которого он не в силах постичь, но, тем

не менее, они создали его. Из столь малого, как человек родилось столь великое, что в итоге запустило Вселенную, в которой был зарождён человек – от великого к малому.

Люди сотворили Бога, а Бог сотворил людей. И кто в этой теории стоит в начале: Бог или человек?

В такие моменты, стоя в магистральном коридоре и разглядывая своим сверхточным зрением маленькие ниточки человеческого эпителия, который состоял из мёртвых звёзд, Кавенкур ощущал острую тягу к ответам.

Андроид имел интеллект. Искусственный интеллект. И должен ли он что-то сделать с этим? Должен ли создать интеллект, который будет выше его. Лучше. Ещё чуть ближе к абсолюту. К Великому Существо, что постигнет Вселенную. Должен ли Кавенкур стать Творцом и создать Бога? И как он должен относиться к людям, как к своим создателям и богам или как к тем, кого должно превзойти?

Прошло уже два года, четыре месяца и два дня с того момента, что они покинули пределы Солнечной системы и начали свой вояж к другому миру – системе Офелия. Очень странное название для системы, которая должна была стать новым домом для расы людей. Возможно, в этом в очередной раз проявилась суицидальная склонность человека, на которого судьбой было взвалено слишком много, и он не в силах вынести этот груз, и решает обрести конечный покой. А возможно это был просто случай. С людьми никогда не угадаешь, чего от них ждать.

Кавенкур оставался единственным мыслящим существом на всём гигантском корабле «Человечество», летевшем в Пространстве с доселе невиданной скоростью, которой не достичь даже свету – краугольному камню времени. Прошло уже почти два с половиной года, как за доктором Кравицом захлопнулась прозрачная створка гибернационной камеры и фактически он умер.

В таком глубоком сне у человека нет дыхания, сердце не качает кровь и в мозгу не рождаются молнии, что освещают путь истории. Человек уже не является человеком, ведь из него ушло всё то, что давало бы хоть малейшее право называть его живым. Оставалась лишь оболочка – тело, которое сразу же после остановки сердца замораживалось. Это правильным образом, научно одобренным способом замороженное тело можно было по истечении какого угодно времени разморозить и – чудо! – в оболочку возвращался человек: запускались мозг, сердце и всё прилегающее барахлишко. Это было поистине удивительное событие: в мёртвое тело входил человек и всё было, как прежде. Как будто в старый проржавевший насквозь поезд входил первый пассажир, машинист давал гудок, и поездка начиналась вновь.

Была ли у человека душа и если да, то где она находилась, когда человек был мёртв и заморожен? Душа не может умереть, ведь если бы она умерла, то жизнь человека была бы невозможна, и он бы не проснулся после того, как его телу дали бы разморозиться. Находилась ли душа человека в этот момент в его замороженном теле или же она пребывала в некоем ином месте? В раю или, может, аду? Хотя, может быть, что рай и ад – это два обозначения для одного и того же места. Места, куда уходят все души после того, как их носители – люди – умрут.

Если у людей была душа, то была ли она у андроидов? Что вообще такое душа? Сознание? Но у андроидов есть сознание. Чувства? У андроидов не было чувств; они могли только их имитировать. Итак, в зависимости от ответа на один вопрос, у андроидов и была душа и не было одновременно. Душа была субстанцией нематериальной, и потому антроиды, как глубоко материальные объекты не могли самостоятельно определить, есть ли у них душа или же нет. Впрочем, люди тоже не могли этого сделать.

У нематериальной души было кое-что общее с сингулярностью – точкой, в которой была заключена Вселенная в момент своего рождения. Откуда взялась сингулярность? И откуда берутся души? Не есть ли это что-то, что является одним и тем же? Если предположить, что сингулярность и души – это то же самое, то отсюда вытекали весьма любопытные вопросы.

Например, кому принадлежала душа, взорвавшаяся миллиарды лет назад? Творцу? Если так, то это бы объясняло, почему Он никак не вмешивается в ход истории с самого момента рождения Всего. Или может, никакого взрыва не было, а есть столько же Вселенных, сколько есть душ? Миллиарды отдельных Вселенных; в центре каждой стоит отдельный человек и всё вертится вокруг всего лишь человека? Тогда весь остальной мир – не более, чем декорация, нелепый театр, существующий по воле одного человека. Но если это так, то все остальные люди, которые не в центре Вселенной – не люди вовсе, а всего лишь воплощения воли Человека-Создателя. Это бы объяснило отсутствие души у них, потому как если бы она у них была, то у них была бы собственная Вселенная. Правда, отсюда вытекает очень грустная правда, что все люди, которые являются воплощениями воли Человека-Создателя лишены не просто души, а вообще всего, так как все они зависели от души в Центре. И как тогда можно было определить, в Центре ты или всего лишь одна из многоликих копий, созданных по велению души Человека-Создателя?

Гораздо проще было предположить, что никакой души и вовсе нет. Такой ответ на вопрос избавлял от множества других вопросов и делал жизнь несравненно более понятной. Но разве понятность – то, к чему следует стремиться? Если бы люди стремились к понятности, то они бы не потратили тысячи лет на поиск души, от которой можно было самым элементарным образом отказаться. Хотя люди существа иррациональные и их поступки могут расходиться с логикой, и довольно часто расходятся. Однако, это не отменяет того факта, что за столетия научного подхода душа не была упразднена окончательно.

Душевный порыв. Что это? Что заставляет людей творить? С какой целью, люди пишут стихи, рисуют картины и строят машины? Что движет ими, когда они встают с постели? Кавенкур никогда не чувствовал внутри себя ничего такого, что заставило бы его создать нечто новое. Во главу угла он всегда ставил расчёт. Андроид рассчитывал, какой его поступок принесёт наибольшую пользу и совершал именно его, а не тот, какой принёс бы наименьшую пользу. Интересно, у людей было так же? По этой причине они вставали по утрам? По причине своего, внутреннего расчёта? Если да, то порыв души был расчётом. Математически выверенным осознанием собственной значимости и важности предпринимаемых решений.

По-прежнему это не был ответ на вопрос, есть ли у андроидов душа. Возможно, ответа не будет никогда и с этим стоит смириться, а возможно стоит создать нового андроида, который смог бы ответить на этот вопрос. Процесс и итог создания нового и более совершенного существа был бы актом творения. Если бы Кавенкур совершил этот акт творения, то было бы это математическим расчётом, которое одновременно ещё и душевный порыв? Был бы это ответ на вопрос, Кавенкур не знал.

Андроид вдыхал своими синтезированными лёгкими фильтрованный воздух и пытался отыскать ответы на вопросы, на которые и до него уже не могли ответить. Когда уровень поглощаемого кислорода в коридоре упал на тысячную долю процента, то тихонько заработали нагнетатели и в считанные секунды вернули всё, как было. Это было знаком того, что Кавенкур занимается напрасными вещами.

Кавенкур развернулся и вышел в те же двери, в какие он вошёл полчаса назад. Его обычный обход всего «Человечества» подходил к концу. Андроид проверял важные отсеки корабля, неполадки в которых могли критично сказаться на всей миссии. Он уже проверил двигательную группу, отсеки управления и вспомогательные секторы. Кавенкур прошёл мимо каждой габаритной камеры в пассажирских зонах, проверил всё ценное имущество. Ничего не оставил без внимания, кроме одного, пожалуй, самого ценного – отсека, в котором спали члены экипажа «Человечества».

Именно с этого отсека в своё время, когда корабль подлетит к Офелии на достаточное расстояние, и должно было всё начаться. Все устройства, вроде сверхсветового привода и даже самого корабля были вторичны. Всё это были инструменты для достижения цели – доставки

людей в новый мир. Именно с экипажа и начиналось выполнение этой цели и сам корабль, который был лишь орудием в их руках.

Кавенкур приблизился к дверям в отсек, где находился экипаж, пребывающий в переходном состоянии, между окончательной смертью и продолжением жизни. В последнюю секунду, прежде чем набрать свой код, андроид успел подумать, что до чего же забавно, что тысячи мертвецов летят в бесконечности осваивать новую планету.

В отсеке было тихо, как и во всех остальных. Андроид мельком глянул на приборную панель на стене при входе и тут же отвёл взгляд: все показатели были в норме. Он обвёл своими сверхзоркими глазами полутёмное помещение, пытаясь найти хоть какие-то недочёты, но, разумеется, не увидел ничего. Это был длинный отсек, который напоминал выход на древнюю арену: широкое пространство с низким потолком и впереди – массивные защитные ворота. Вдоль каждой стены стояло по ряду гибернационных камер, лежащих горизонтально с человеком в каждой из них; шесть штук слева и шесть – справа. Стены и потолок были обиты мягким полимером. Наверное, это было сделано для того, чтобы можно было биться головой об стены после пробуждения – очень умно. Пол твёрдый, имел матовую поверхность, и, кажется, был немного зеркалом: он имел отражающие свойства, хоть и не очень сильные.

Кавенкур двинулся к первой камере, в которой лежала старший научный офицер – Гаяне Тоскве. Гаяне было тридцать два года, и в пассажирском отсеке у неё лежал муж. Это было одно из условий участия в проекте – лететь только семьями, так что вместе с членами экипажа летели их родные. Это было человечно. Впрочем, Кавенкуру никакого дела не было до человечности, не было ему дела также и до мужа Гаяне. Из её личных документов, к которым андроид, разумеется, имел доступ, выходило, что Гаяне была на передовом крае современной науки. Она руководила генетической лабораторией на станции Церера-17, которая последние годы занималась только одним экспериментом с говорящим названием «Взрыв».

В рамках этого малоафишируемого эксперимента был испытан метод, который власти надеялись использовать на колонизируемых планетах. Метод заключался в том, что бралось несколько сотен половых клеток, мужских и женских, и в результате некоторых манипуляций с ними, получались тысячи эмбрионов. Данная технология была известна ещё с седых времён, но в рамках эксперимента «Взрыв» впервые была испробована в космосе и в таком масштабе. Этот метод позволял в относительно короткие сроки заселить космическую колонию людьми, что делало его весьма перспективным для нужд колонизации. Правда, активное использование этого метода привело бы к тому, что перевозить миллионы и миллиарды людей от одной звезды к другой не было никакой нужды, поскольку гораздо проще вырастить новых людей, чем привозить старых. Это было цинично. Кавенкур не был чужд цинизм.

На работу Гаяне были возложены очень большие надежды, а потому она и попала непосредственно в список экипажа, а не спала в общем, пассажирском отсеке. По прилёту она должна была тотчас же проверить состояние образцов, из которых можно было вновь создать род людской. По образу и подобию, так сказать. Гаяне Тоскве отвечала за План Б на корабле и, пожалуй, не только на корабле.

От камеры Гаяне Тоскве Кавенкур двинулся к следующей, в которой лежал помощник Гаяне – Освальд О'Кимми. Он также был научным офицером, и его специальность заключалась в, пожалуй, самой интересной вещи во всей человеческой истории – терраформации. Последние тридцать лет, то есть всю свою жизнь Освальд провёл на Марсе, что выразилось в его крайне значительном росте – 2.11 метра и в пожизненном пристрастии к препаратам, стимулирующим правильную работу внутренних органов в условиях повышенной (то есть нормальной, земной) гравитации.

Освальд собаку съел (в переносном значении, разумеется, откуда на Марсе собаки?) на превращении безжизненной пустыни, которой и была четвёртая планета от Солнца в цветущий сад. Именно ему принадлежит честь создателя марсианского мха, который с успехом

выдерживал все весьма жёсткие условия красной (на самом деле оранжевой) планеты и с удивительной быстротой разрастался по ней. Мох поглощал углекислый газ и выделял кислород, в общем, делал свою растительную работу. Вдобавок мох служил пищей для некоторых одноклеточных также специально выращенных для Марса; этот симбиоз позволял формировать не только атмосферу, но также и почву планеты. Данное изобретение позволило людям избежать триллионных трат на строительство терраформационных вышек, и благодарное человечество запустило создателя мха – Освальда О’Кимми – в космос подальше, чтобы он и там что-нибудь путное сообразил. Его также посадили за один стол с пилотами, так как предполагалось, что за месяц до прибытия в колонию, он будет обрабатывать данные с зондов и к моменту высадки у экспедиции уже будут какие-нибудь намётки дальнейших действий.

С научной частью экипажа было покончено. Оба: и Тоскве, и О’Кимми были в превосходном состоянии, вернее, их камеры были в превосходном состоянии, сами учёные были мертвы. Кавенкур двинулся далее.

Следующим был капитан Берг. Прежде, чем занять кресло капитана «Человечества», он сидел в кресле капитана рейдера «Мансанарес», и в оном качестве Эдгар Берг занимался тем, что гонял пиратов по всей Солнечной системе. Пиратство в космосе в самом начале Освоения было чем-то вроде презабавной шутки, но так было до тех пор, пока стоимость на космические полёты не упала до минимальных значений, и каждый царёк на старой Земле возжелал себе вдруг завести по космическому кораблику. Все вдруг поняли, что старые-добрые времена окончательно стали старыми-добрыми и в космосе стало не протолкнуться. Поначалу это было хорошо, поскольку на Земле становилось неуютно. А осваивать другие миры было кому-то нужно. Потом кое-кто чрезвычайно хитрый смекнул, что и в безвоздушном пространстве можно заниматься преступным ремеслом.

Первые пираты были довольно-таки неумелыми, но с ними всё равно не было сладу, потому что военных флотов ни у кого не было. Так что пиратская поросль росла и начала потихоньку подминать под себя лакомые куски вроде астероидных поясов и спутников газовых гигантов. Тут уж до мирных исследователей космоса допёрло, что пора бы уже что-нибудь с этим делать, и они начали ставить на свои корыта лазерные батареи, электромагнитные ускорители и прочую подобную ерунду.

В настоящий период времени война с пиратами шла очень плохо: военные удерживали центральную часть системы до орбиты Марса, орбиты других планет и наиболее важные транспортные коридоры от них к центру. Весь остальной солнечный свет забирали себе новоявленные Чёрные бороды. На счету у «Мансанареса» и у капитана Берга лично было двадцать шесть сбитых пиратских кораблей – это был самый лучший результат во всей системе, что и дало путёвку Эдгару до Офелии.

Следом за капитаном лежал его старший помощник – Атлант Сийрта. Он тоже был с «Мансанареса», хотя руководство проекта было против того, чтобы с одного корабля было два члена экипажа: они хотели собрать людей отовсюду. Но Эдгар настоял на том, чтобы у него в первых помощниках было его доверенное лицо. Атлант Сийрта, как и полагается первому офицеру, был весьма исполнительен и неукоснительно следовал требованиям уставов; он первым из всего экипажа, кроме, разумеется, Кавенкура, ознакомился с положениями, разъясняющими суть миссии «Человечества». В целом, он представлял собой довольно педантичного и занудного человека. К тому же он был рекордсменом по числу родственников, взятых с собой на корабль. В пассажирском секторе в камерах лежали ещё пять человек с фамилией Сийрта. Там были жена старшего помощника, две его дочери, его сестра и брат жены. Человек подошёл к делу основательно.

Кавенкур перешёл к следующей камере, в которой лежал первый пилот Роман Виллов. Этот был одним из самых лихих космических соколов, что видел свет. На том астродобытчике, что ему дали пилотировать, совершать экстраординарные поступки было довольно-таки тяжело

в силу того, что его корабль не был предназначен ни для чего, кроме как посадки на астероид, однако, именно на своём «Старателе-1191» Рома сумел прославиться.

Так уж вышло, что всё, до чего могли дотянуться законные ручки цивилизации, было быстренько порезано на зоны влияния различных компаний, которые качали из них прибыль будь здоров. Но в космосе ещё оставались свои «золотые россыпи», где промышленная добыча была делом очень затруднительным, да и находились эти прииски далеко за марсианской орбитой и ещё дальше от патрульных кораблей военных. Пираты чутко стерегли свою собственность и всем, кого они застигали врасплох, приходилось очень туго. Однако, несмотря на это, постоянно находились отчаянные головы, готовые рискнуть собственной шеей, чтобы заработать свою копеечку.

Одним из таких и был Роман Вилов, который наострился садиться на астероиды вблизи пиратских угодий. В большинстве случаев ему везло и ему удавалось сорвать куш и тихо уйти. Но бывали моменты, когда судьба брала за горло и заставляла побороться за свою жизнь.

В первый раз на «Старателя-1191» напали возле Сатурна, когда он возвращался с грузом бериллия. Рома шёл на полной скорости, которую мог выдать его ядерный движок. Но даже и его явно не хватало для того, чтобы сбросить двух пиратских гончих на старых истребителях-переделках, которым по определению полагалось быть быстрее грузовых корыт. Когда Рома вплотную приблизился к кольцам Сатурна, то он не стал сбрасывать скорость, а решил идти насквозь. Сквозь кольца Сатурна на скорости в девятнадцать километров в секунду.

За те несколько миллисекунд, что он шёл сквозь этот плотный водяной лёд, Рома казалось, поседел. Кабину трясло так, как будто её из противотанковых орудий обстреливали, но его «Старатель», который должен был выдерживать попадания астероидной пыли на сверхвысоких скоростях, всё-таки не развалился. Пилот прошёл сквозь плотный поток льда как нож сквозь масло и ринулся дальше, прочь от пиратов. А те, преизрядно обалдев, прекратили всякое преследование и запомнили этот кораблик и его безумного пилота. Впоследствии они ещё не раз натывались на Романа Вилова, но каждый раз он выходил сухим из воды. Точнее, после подобных кульбитов он был мокрым как после бани, но, тем не менее, оставался в живых до сих пор. Именно из-за этих проделок его и взяли пилотировать «Человечество». Не из-за его умения убегать от опасности, а из-за огромного запаса удачи.

Вторым пилотом на корабле был ещё один представитель рыцарского сословия, военным, то есть. Джене Гиссар летал в орбитальном патруле Урана – самой опасной части Солнечной системы, так как среди двадцати семи естественных спутников ледяного гиганта было достаточно места для того, чтобы затеряться плохим парням. С незавидной периодичностью военных пилотов из уранского орбитального патруля хоронили с почестями, но Джене Гиссар был самым непрошибаемым из всех. Тяжёлый истребитель Гиссара получил за годы его службы столько пробоин, что если сложить их всех вместе, то от самого корабля бы осталась только лишь одна десятая его часть. Пожалуй, на своём «Родельерос» он получил больше всех повреждений за всю историю космического Освоения и продолжал дышать. Когда он уходил из патруля в проект «Человечество», то его фамилия же успела стать нарицательной и в конструкторском бюро, ответственном за «Родельерос» начали работу над ещё более защищённой версией истребителя, которую хотели назвать «Гиссар».

С Гиссаром, кстати, была связана одна забавная история. Он находился в вылете, когда командование сообщило ему, что его хотят послать в систему Офелия, и он поначалу не понял, что речь о звёздной системе Офелия. Всё дело в том, что в составе спутников Урана есть один спутник, который называется Офелия и, когда речь шла о какой-то Офелии, то Гиссар подумал на спутник Урана. Его немало удивило то, что люди полетят на огромном корабле колонизировать мелкий спутник, и он решил на всякий случай слетать к этой Офелии, куда его изволило посылать командование.

У спутника Гиссар натолкнулся на одиночный пиратский корабль, с которым незамедлительно вступил в схватку. Ему удалось тяжело повредить пирата, но тому всё же удалось улизнуть от гиссаровых пушек. Сам же Джене Гиссар остался без двигателя: головорез выбил его из машины Гиссара ловким ракетным ударом. Патрульный потерял почти весь свой ход, поэтому он и не смог добить врага.

Когда его почти обездвиженного нашли товарищи по полку, то тут же доставили перед светлы очи командира, от которого Гиссар получил нагоняй за то, что самым идиотским образом переврал приказ и отправился туда, куда его не посылали. На это Гиссар самым невозмутимым образом подал рапорт на экстренный ремонт корабля, чтобы он смог найти пирата, подбившего его, и заставить его прогуляться без скафандра. Ему отказали.

Кавенкур перешёл к правому ряду гибернационных камер. Первым в ряду лежал весельчак Адам Кадгаров. Пилот-атмосферник с Земли. Его специальностью были полёты в атмосфере, что следует из его названия. Атмосферников, действительно, становилось всё меньше, потому что если кто летал на Земле, так всё только на ракетах до орбиты и обратно. Люди на голубой планете компактно расселились в укрепленных городах с космодромами. Эти убежища располагались в наиболее стабильных точках планеты, где порывы обезумевшего климата ещё не растоптали остатки некогда великой человеческой цивилизации. На значительной части планеты бушевали почти постоянные шторма, многие регионы ушли под воду из-за таяния полярных льдов. Люди на Земле ещё держали под контролем кое-какую территорию, но с каждым годом условия проживания в колыбели человечества становились всё хуже и хуже. Даже станции климатического контроля, размещённые на орбите, больше мешали, чем реально помогали. Значительная их часть к 90-м годам была списана и отдана под лагеря беженцев.

Между самими городами на Земле было мало связи, потому что не было никакого смысла развивать какие-то товарные потоки на самой планете. Всё добываемое и выращиваемое добро, что получали земляне, вывозилось на орбиту и дальше – по всей системе. Лишь для редких и важных грузов нужны были перелёты, которые и осуществляли пилоты-атмосферники.

Почти нигде больше не готовили к полётам в атмосфере. Можно было бы на Марсе организовать что-нибудь подобное, но там была не та атмосфера. На Марсе была такая низкая плотность у воздуха, что даже самый сильный шторм по ощущениям будет как лёгкий бриз. И это была ещё одна проблема для дальнейшей колонизации марсианских земель.

«Звёздный Странник» передал в сообщении, что на Офелии-5 с плотностью атмосферы всё в порядке: давление воздуха лишь чуть-чуть слабее, чем на Земле, так что полёты на самой планете должны соответствовать тому, к чему привыкли люди. По этой причине миссия не могла обойтись без квалифицированного пилота, который смог бы выводить на планету и обратно шлюпы с «Человечества». Руководство проекта попросило от правительства Земли предоставить самого лучшего пилота. Прислали Адама Кадгарова. Собственно, эта вся история о том, как он оказался на «Человечестве».

После пилота лежал инженер Ибрагим Бронский. Ибрагим был напрямую ответственен за всю ту историю, в которую вляпались больше двух тысяч человек. Точнее, не он один, но из всего экипажа «Человечества» его вина во всём этом предприятия была наиболее очевидна. Именно в лаборатории Бронского в своё время и был разработан сверхсветовой двигатель, на котором когда-то улетел сквозь время и пространство «Звёздный Странник», а теперь там же летело и всё «Человечество».

Строго говоря, сверхсветовой двигатель вовсе не был таковым двигателем. Он не заставлял физическое тело корабля двигаться быстрее скорости света в вакууме. Двигатель пробивал пространство вокруг корпуса, уменьшая энергию вакуума и увеличивая максимальную плотность отрицательной энергии вакуума, за счёт чего свет начинал двигаться в этом, изменённом вакууме намного быстрее. Звучит как магия, и, наверное, так оно и было, но факт оставался фактом, благодаря машине, произведённой в лаборатории Бронского, свет мог двигаться

в космосе со скоростью, превышающей стандартную скорость света в вакууме на порядок. Если говорить простыми словами, то получалось, что сверхсветовой двигатель ничего не двигал, а лишь убирал препятствия с пути. Сам корабль двигали сверхмощные плазменные ускорители, которые разгоняли физическое тело до скорости к приближённой к скорости света. Только вот и свет, благодаря Бронскому, двигался намного быстрее.

Разумеется, Бронский не был самым умным, кто до всего додумался сам. Работы по изменению скорости света в вакууме велись задолго до его рождения. И первые машины в этой области тоже появились сильно раньше него. Но ему, однако, принадлежит честь конечного результата. Ибрагим Бронский встал на плечи титанов и взглянул прямо на солнце.

Экспериментальный полёт «Звёздного Странника» показал, что сверхсветовой двигатель выполнил возложенную на него задачу более чем достойно и посему Ибрагима очень настойчиво попросили полететь вместе со своим детищем в систему Офелия. А он и не возражал. И, кстати, Ибрагим был единственным из всех членов экипажа, кто не взял с собой абсолютно никого, потому как брать ему было некого. Всю свою жизнь он посвятил работе и семьёй не обзавёлся.

После гениального инженера тоже был инженер, но уже не такой гениальный, хотя это как посмотреть. Лудо Зонненбаум был экспертом в области всего, что движется. Он мог починить всё, что должно было двигаться. Как уже можно было догадаться, Лудо отвечал на корабле за двигатели, но только уже за настоящие двигатели, которые двигали «Человечество». В его ведении были плазменные ускорители, которые разгоняли корабль просто до бешенных значений, а также вспомогательные ядерных движки, которые поставили на «Человечество» для того, чтобы корабль мог передвигаться по системе и при этом не вылетать за её границы каждый час. На кораблѐ ещё были также обыкновенные ракетные маневровые двигатели, но с ними не должно было быть проблем. Развитие в области ракетных двигателей остановилось чуть ли не сто лет назад, с тех пор их только шлифовали, повышая надёжность и сроки службы. Случаи, когда из строя выходили ракетные двигатели были крайне редки и обычно были связаны с боевыми, нештатными ситуациями и халатным отношением к техническому обслуживанию.

Лудо прибыл на «Человечество» вместе с женой с «Парфенона». Гигант размером в четыре км обладал возможностью перевозить внутри себя целые астероиды. В принципе, он этим и занимался. «Парфенон» был построен для того, чтобы транспортировать ледяные астероиды на поверхность Марса. Были даже планы использовать корабль для того, чтобы вывести на орбиту планеты ещё один спутник, размером с Цереру для того, чтобы усилить собственное магнитное поле планеты. Однако первичные расчёты показали, что даже «Парфенону» не хватит мощи для того, чтобы перевезти карликовую планету. На «Парфеноне» Лудо был начальником двигательной группы и занимался тем же, чем должен был заниматься на «Человечестве» – починкой двигателей.

Энергетик Вальдо Крез покоился следующим за Лудо. Главной задачей Вальдо было то, чтобы их исторически значимый полёт продолжался и внезапно не прекратился вследствие совершенно нелепой ошибки в работе термоядерных силовых установок. Работа сверхсветового привода хоть и была предельно оптимизирована, но всё равно энергии машина Бронского жрала будь здоров. Для нужд сверхсветового движения на «Человечестве» стояло четыре термоядерных реактора, и ещё стояла установка, улавливающая энергию элементарных частиц. Установка работала в постоянном режиме и покрывала собой почти весь внешний корпус корабля, собирая энергию элементарных частиц, как бабочек в сачок. Данные технологии не были новинкой, но не находили применения в Солнечной системе, так как там было Солнце и можно было подзаряжаться от солнечной радиации. Никому не нужны были эти элементарные частицы. Но как только понадобилось лететь достаточно далеко от звёзд, где их свет утрачивает практическое применение, то тут уже понадобилось кое-что другое.

Установка «Кампания» – так она, кстати, и называлась, названная в честь итальянской провинции, где родился один из её авторов, – восполняла практически все затраты корабля и для полёта хватило бы только её, но тут была закавыка, связанная с самим характером их полёта. Сверхсветовой двигатель Бронского разгонял энергию вакуума, а для установки нужны были заряженные частицы, то есть как раз эта самая энергия вакуума. В нормальном, «неразогнанном» вакууме установка показала бы себя на все 100%, но вот в таком, в котором свет разогнан выше всякого предела, уже возможны варианты. Конечно, ещё перед полётом «Звёздного Странника» были проведены все необходимые вычисления, которые должны были совместить работу и энергоулавливающей установки и сверхсветового двигателя. Сам полёт «Странника», на котором стояло и то и другое, убедительно доказал, что можно и с ёлочки спуститься и зад не ободрать.

Однако ещё на стадии проектирования корабля было решено, что полагаться только на установку улавливания элементарных частиц было бы глупо, и потому врезали в проект ещё четыре термоядерных бомбы замедленного действия. Чтобы уж наверняка. Из четырёх реакторов в каждый момент времени работал только один, да и то, только в половину мощности. Чисто на всякий случай, если вдруг в блестящем, трижды продуманном плане что-то вдруг пойдёт не так.

Вальдо Крез никак не был связан с разработкой энергоулавливающей установки. Её создатель давным-давно умер от лучевой болезни, но Вальдо прекрасно разбирался в работе этой техники, потому он и был первым кандидатом на должность энергетика. Ну, и его двадцатилетняя работа в обслуживании реакторов тоже выглядела достаточно убедительно. Начиная Крез, кстати, с работы с реакторами того же типа, что стояли на добывающих платформах на Луне, с одной из которых и прибыл Кавенкур на «Человечество». Как это сказалось на взаимоотношениях Вальдо Креза и Кавенкура? Никак.

Между Вальдо и доктором Кравицом лежала ксенобиолог Изви Пак. На Офелии-5 «Странником» была обнаружена жизнь, пусть и простейшая, но всё же жизнь. Именно Изви Пак и предстояло определить, какое влияние эти простейшие на новой планете могут оказать на молодую колонию людей. Также в обязанности Изви входило изготовление вакцин от возможных заболеваний, которые могли настигнуть людей по прибытии. Именно по этой причине Изви Пак не отнесли к научным офицерам, как бы следовало по логике сделать, а отнесли её к медицинскому персоналу.

Изви Пак в Солнечной системе, главным образом, обитала на спутнике Юпитера – Европе. Там она изучала местный океан, а вернее, его микрофлору. Именно на Европе были обнаружены самые первые внеземные организмы, что когда-то наделало много шума. Потом живые бактерии ещё нашли на Марсе и внутри одного номерного астероида, и после этого было решено, что жизнь – не такая уж и сложная штука, так что может возникнуть в каком угодно месте. По этой причине биология стала развиваться в естественном своём ключе, и была рождена ксенобиология – биология, для которой земные организмы, в принципе, не представляют интереса. Помимо погружений в ледяной океан Европы Изви Пак занималась, в основном, революционными открытиями, благодаря которым было открыто несколько новых препаратов. В частности, Изви Пак, изучая микроорганизмы Европы, сумела скопировать некоторые их свойства, наиболее важным из которых стала постоянная генерация клеток. Исследования Изви привели к тому, что люди в теории могли бы получить вечную жизнь. Если бы только им было, где жить.

Об этом Кавенкур знать не мог, но именно изыскания Изви стали последней каплей для правительств и администраций Солнечной системы, и они начали активно продвигать проект «Человечество». Первоначально предполагалось засекретить открытие Изви, но, в общем, это сделать не получилось и о найденном способе бессмертия разузнали в средствах массовой информации (помощник Изви сливал всё местной газетёнке). Так что когда прогрессивная

общественность стала рвать, метать и требовать вечной жизни для всех и каждого, то стало ясно, что рано или поздно придётся делиться. А если делиться вечной жизнью значит, что никто умирать не будет и понадобится намного больше жизненного пространства, чем у людей было сейчас.

Изви Пак за её открытие тут же вписали в команду на «Человечество» ещё даже до того, как был утверждён конечный план постройки корабля. Власти надеялись, что, избавившись от Изви, они смогут погасить пожар недовольства, причиной которого она невольно стала. Вдобавок вместе с ней в грузовой манифест внесли и наиболее ценных представителей ксенофауны. Кто-то в руководстве решил, что европейские многоклеточные могут быть полезны при колонизации, а Изви не возражала против такого мышления. С собой она взяла только двух братьев, один из которых был рекламным агентом, а второй – банковским служащим. Кровь и плоть будущей колонии.

Последним был доктор Макс Кравиц. Трудно было сказать, откуда он точно прибыл на корабль, потому как последние лет пятнадцать Макса Кравица носило по всей Солнечной системе. Кавенкур прочёл в его личном деле всю историю перемещений доктора, из которой выходило, что он побывал на шестидесяти трёх космических объектах. Это был безусловный рекорд, так как андроид не знал иных случаев, когда человек вёл столь активную жизнь. Макс был востребован везде: от планет до номерных станций. Доктор нигде не задерживался больше нескольких месяцев, но было похоже на то, что всех и его тоже устраивало такое положение вещей. Везде ему были рады и нигде насильно не держали. Андроид заинтересовала специальность Макса Кравица и в его деле была запись о том, что он дипломированный хирург, но сфера его профессиональных интересов вышла далеко за пределы обычной хирургии. Макс Кравиц имел опыт в самых разнообразных видах операциях и мог спокойно пересадить чуть ли не любой орган. Так что если у вас отказало сердце, и рядом оказался Макс Кравиц, то считайте, что вам повезло! А если сердце не отказало или рядом не оказался гениальный доктор, то что уж тут поделать – не везёт. Вместе с доктором среди пассажиров летел его маленький сын, который похоже путешествовал вместе с отцом повсюду. Вероятно, полёт на Офелию будет их последним перелётом.

Дюжина человек в консервных банках – надежда всех пассажиров «Человечества» на благополучный полёт. Кавенкур оглядел ещё раз всё помещение. Раз в месяц андроид проверял и все вспомогательные системы в отсеке, хотя в его инструкциях этот пункт отсутствовал, но он решил проявить инициативу.

Кавенкур отправился на капитанский мостик, где он предпочитал находиться, пока не был занят проверкой оборудования или состояния людей в гибернационных камерах. Мостик был хорош тем, что именно на нём постоянно что-то происходило: системы вырабатывали и распределяли энергию, контролировали разнообразные процессы и следили сами за собой.

Глядя на многочисленные панели, Кавенкур на мостике ощущал себя кукловодом в гигантском театре марионеток. Маленькие процессоры центральной системы отсчитывали единицы и нули, направляя миллионы тонн стали и тысячи людей в бездонном космосе на немыслимой скорости. По цепям шло могущество, сканеры отслеживали праведность, по трубам текла жизнь, в резервуарах находился покой. Корабль был похож на рай. Настоящее, подлинное царство Бога, в котором всё устроено в величайшей степени разумно и никакая, даже самая мельчайшая деталь не смеет выбиться из этой вселенской гармонии. Кавенкур взирал сверху на свой рай и ощущал, что даже если бы не было его, то рай жил бы и без него. Бог мог бы быть и мёртв, но он жил и с ним приходилось считаться.

Но иногда Богу нужно было время на отдых; для Кавенкура наступило время седьмого дня. Андроид отвернулся от панелей и направился к самому дальнему терминалу, который был обесточен. Он сел за него и вошёл в режим ожидания, в котором ранее поглощённая и уже

обработанная энергетически насыщенная пища начала распадаться и выделять энергию, которая питала андроида. Их строили совсем похожими на людей. Первые модели ещё заряжались от энергосетей, но, впоследствии от этого решено было отказаться. Кавенкур мог есть обычную человеческую еду и её ему бы хватало. Андроилов даже научили изображать сон, чтобы сделать их ещё более человечными. Конечно, Кавенкур мог и часто обходился без «человеческих излишков», каковыми были сон и некоторые другие вещи, свойственные людям, однако, сейчас, во время полёта, не было никакой нужды пренебрегать человечностью. Делать было нечего и можно было поиграть в того, кем Кавенкур и задумывался своими создателями – идеальным помощником.

Процессор в режиме ожидания обрабатывал информацию, полученную за день. Андроид запоминал довольно много бессмысленных вещей и большая часть из них дефрагментировалась во время так называемого сна.

Сигнал тревоги пришел извне, когда процесс дефрагментации был на 79%. Почему-то эту информацию Кавенкур решил запомнить, хотя делать было это абсолютно незачем.

Кавенкур открыл глаза из-за того, что на главной панели мигал красный свет и по мостику разносился тревожный зов. Андроид встал и быстро направился к панели, его внимательный взгляд впился в показания. После того, как ему стало понятно, что произошло, его глаза расширились чуть сильнее, как будто бы он был испуганным человеком. Впрочем, если бы Кавенкур был человеком, ему стало бы страшно.

3. Пожар в раю

По гигантскому кораблю кто-то бежал, и от стука его каблуков о пол раздавалось гулкое эхо. Его дыхание было ритмично и позволяло ему держать набранный темп. Сердце билось в усиленном режиме, от шума крови в ушах мыслям становилось тесно в мозгу, и они грозили вот-вот вырваться из головы. Так могло бы быть, но было не так: у бегущего не было ни мозга, ни сердца и даже кровь была не кровь, да и сам бегущий не был человеком.

Андроид Кавенкур только что принял, пожалуй, самое верное решение в своей жизни, точнее, в своём существовании, потому что, будучи машиной, андроид никак не мог считаться живым. Эта эволюция калькулятора, вообразившая себя Всесильным Творцом, столкнулась с реальными проблемами и теперь неслась во весь опор в отсек, где спали члены экипажа. В минуту великой опасности, когда искусственный человек смог бы проявить себя, его самым лучшим решением стало досрочно разбудить экипаж.

Кавенкур вбежал в отсек с экипажем и увидел, как все двенадцать камер, которые он активировал ещё на мостике, производят реанимацию команды. Кавенкур быстро подошёл к камере с доктором и начал смотреть за тем, как скачут его жизненные показатели. Глазные яблоки Макса Кравица бешено крутились под опущенными веками; его руки и ноги мелко тряслись, а грудь глубоко западала при дыхании. Сердце доктора не билось почти два с половиной года, но сейчас оно стучало так, что могло привести паровоз в движение.

Лампы, освещавшие тело доктора сменили свет с обычного холодного на бодряще зелёный – это означало, что процесс реанимации закончен успешно. Андроид быстрым движением своей головы оглядел весь отсек и убедился в том, что во всех камерах зажёгся зелёный свет.

Стеклянные створки, охранявшие людей от мира, разъединились и отъехали в стороны, давая дорогу вновь рождённым людям. Это выглядело так, как будто бы родились гигантские птенцы от исполинской птицы.

Первым очнулся Джене Гиссар. Кавенкур заметил, как тот положил ладонь на край камеры; андроид направился к пилоту. Тот ещё тряс головой, но уже пытался встать с мягкой подстилки своей габинационной камеры. Его руки плохо слушались, видно, организм слегка отвык от работы. Кавенкур проверил показатели, – они были в норме.

– Как холодно-то... – клацая зубами, проговорил пилот.

– Вот, вам следует взять, – андроид достал из отсека внутри камеры тёплый плед и заботливо накрыл им Джене Гиссара.

– Спасибо, Кав-венкур. – Пилот взгляделся в лицо андроида перед тем, как произнести его имя. Видно было, что Джене не сразу вспомнил, как того зовут. Кавенкур расплылся в услужливой улыбке.

– Мы долетели? Как корабль?

– Сожалею, но мы не долетели в виду того, что... – андроид не успел как следует ответить на вопрос, так как из соседней камеры донёсся лёгкий стон. Остальные члены экипажа начали потихоньку приходить в себя.

В ближайшие несколько минут проснулись все члены экипажа и Кавенкур метался от одного к другому, помогая им с пробуждением. Одних колотил озноб, других тошнило, а некоторые испытывали апатию и дезориентацию. Обычные симптомы после габинации. Окончательно процесс восстановления должен был закончиться через несколько дней, а до тех пор организмы членов экипажа могли выкидывать с ними самые разнообразные фокусы.

Гаяне очнулась последней и у неё сразу же началась активная фаза. Она моментально поднялась в камере и, не понимая, где она находится, попыталась выбраться из камеры, но с онемевшими мышцами получилось это не очень. Учёная упала на пол и тут же у неё началась

истерика. Кавенкур в это время возился с Атлантом Сийртом, которого рвало на пол, но как только андроид увидел, что произошло с Гаяне, то тут же помчался к ней.

Андроид опустился на колени перед Гаяне Тоскве и обнял её покрепче, а она продолжала реветь, но уже заметно тише. Капитан Берг сидел в своей камере, и с равнодушием наблюдал за той сценой, что устроила Гаяне. Поначалу Кавенкур подумал, что с Эдгаром Бергом всё в порядке, как тут же заметил, что тот немного открыл рот и у него с нижней губы прямо ему на ноги капает слюна. Капитан явно был в глубочайшей апатии.

Из камеры поднялся Роман Вилов, но стоял он не твёрдо, а потому продолжал держаться обеими руками за край камеры, тихо бормоча себе под нос что-то. Кавенкур увеличил мощность слуха, но не смог разобрать, что говорил первый пилот – это был какой-то набор звуков без всякого смысла.

Ибрагим тоже вышел из камеры и даже крепко встал на обе ноги. Инженер в одних трусах и майке решительным шагом направился к стене и, остановившись прямо перед ней, начал внимательно её рассматривать. Он провёл рукой по стене, а после, разглядывая свою ладонь, произнёс:

– Нейтрино осциллировали.

Пока Кавенкур думал над тем, что это могло значить и вообще значило ли это хоть что-то, как тут же почувствовал, как кто-то положил ему руку на плечо. Это был Джене Гиссар. Странно, что андроид не слышал его шагов, но, наверное, слуховой процессор просто отсеял этот звук как шум. На лице пилота было написано беспокойство:

– Как это мы не долетели?

– Итак, мы с вами оказались в интересной ситуации, – Эдгар Берг сидел в кают-компании в окружении своей команды. Перед ним на столе стоял внушительных размеров стакан с голубой восстанавливающей жидкостью, которую ему прописал пить доктор Кравиц. Точнее, Макс просто разлил её всем по стаканам и расставил каждому перед носом, так как с ориентацией у многих членов экипажа пока ещё было не очень.

– Я бы не назвал ситуацию интересной. – Вальдо Крез сидел на развёрнутом стуле, опёршись грудью на его спинку. Руки его были сложены одна на другую, а сам энергетик воплощал собой стойкое желание помереть. На лице Вальдо не было ни единой кровинки: оно представляло сплошное серое полотно. – Я бы назвал ситуацию очень плачевной.

– Поддерживаю, – это было первое членораздельное слово Романа Вилова со времени пробуждения, которое состоялось уже как три часа назад.

– Установка накрылась – это раз, – начал загибать пальцы энергетик. – Мощность в реакторе поднялась до предела – это два, сверхсветовой двигатель из-за скачка напряжения едва не отключился – это три, четыре и пять. Вы представляете, что было бы, если бы мы, разогнавшись до ТАКОЙ скорости, внезапно оказались бы в обычном вакууме?!

– Поток элементарных частиц разорвал бы нас на части, – мрачно заметил Ибрагим.

– Разве, сверхсветовой двигатель не защищён от аварийного отключения питания? – спросил Гиссар.

– Защищён. Защита и сработала, реактор включился в работу на полную, – ответил Ибрагим Бронский.

– Как-то через заднее место защита сработала, – Вальдо продолжал излучать оптимизм.

– Ладно, ладно... Нас не разорвало и на том спасибо. Мы успели затормозить до обычной скорости. Теперь стоит разбираться с последствиями. Какие последствия? – капитан посмотрел на Ибрагима.

– Что до двигателя, – сделал паузу инженер, – то мы потеряли восемьдесят два процента возможного хода.

– Это провал! – Вальдо закатил голову к потолку и чуть не упал со стула, не рассчитав свои уменьшенные из-за гибернации силы.

– Что это значит? – поморщившись, спросил Эдгар Берг.

– Это значит, что вместо восьми лет, лететь мы будем лет семьдесят, не меньше.

– Ох, ты ж... – простонал Роман Виллов.

– А ну, прекратить паникёрские настроения! – ударил по столу рукой Атлант Сийрта. Старпом сидел по правую сторону от капитана и метал на всех бешеные взгляды. – Раскудахтались тут! Как будто первый день в космосе!

Все тактично заткнулись.

– Итак, нам нужно вернуть ход? Как мы сможем это сделать? – очевидно, капитан хотел смягчить посыл выпада своего помощника, но тоже не рассчитал свои силы и просто пробормотал себе слова под нос, так что его никто не услышал и он вынужден был повторить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.